

Клэудиа Панутос, Кэтрин Ромео

Прервавшиеся начинания

Исцеление утрат,
связанных
с деторождением

Панутос Клаудиа Ромео Кэтрин

Прервавшиеся начинания

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42597438
Прервавшиеся начинания. Исцеление утрат, связанных с
деторождением: СветЛо; Москва; 2016
ISBN 978-5-905392-35-1*

Аннотация

Книга призвана поддержать родителей, переживших выкидыш, внематочную беременность, мертворождение, смерть новорожденного, гибель ребенка в результате синдрома внезапной детской смерти. Кроме того, горечь утраты – утраты надежд – испытывают бесплодные пары и родители, пережившие необоснованное медикаментозное и хирургическое вмешательство в роды, а также родители детей с тяжелыми врожденными пороками.

Содержание

Выражаем благодарность	6
Предисловие	9
Сон женщины	13
Вступление	20
Глава 1	26
История Клаудии	27
История Кэти	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Панутос Клаудиа,
Ромео Кэтрин**

Прервавшиеся начинания
Исцеление утрат,
связанных с деторождением

Claudia Panuthos

Kathrine Romeo

Ended Beginnings

Healing Childbearing Losses

© ИП Лошкарева С. С. (Издательство «СветЛo»), 2016,
перевод, оформление

© 1984 Bergin & Garvey. Переведено на русский язык и
опубликовано в соответствии с соглашением с ABC-CLIO,
LLC. Все права сохранены.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в любых информационных системах, для частного и публичного использования без письменного разрешения издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность.

* * *

Выражаем благодарность

*Самых преданных и любящих друзей,
Что способны без конца любить
В продолженье этой жизни всей,
Я хочу в своих стихах почтить.¹*

Во время написания книги «Прервавшиеся начинания» нам посчастливилось – и вместе, и по отдельности – испытать любовь и поддержку семьи и друзей. Без этой поддержки – заботы о наших детях, приготовления еды, обзора исследований, набора текста, новых идей и моральной поддержки – книга «Прервавшиеся начинания» никогда не стала бы тем, чем она является. Таким образом, все наши дорогие друзья и любимые, вы поучаствовали в создании этой книги вместе с нами. Мы благодарим вас от всего сердца, от всей души.

Наш вам почет, Элейн Бонтемпо, Ли Лонгчемпс, Нэнси Браун, Клаудиа Гринфилд, Ким Кавано, Питер Панутос, Пэт Флэгг, Нэнси и Пол Коэн, Рита и Дик Бемис, Джоанна и Питер Коллинз, Пэт и Джон Стегелманн, Джина Кавано, Банни Антоннелис, Элеонора и Винсент Каррейро, Рик Бемис, Энн Лэндри, Элли Мэннерс, Мэри-Энн Миллер, Том Бемис, Розали Меропол, Салли Демпси, Лори Ловеззола, Диана Пар-

¹ Из песни Робби Гласса «Мой вам почет» (Robbie Glass, I Honor You).

фенук, Ральф Джонсон, Барбара Дилл, Диана Бойс, Джон Миллер... И мы особенно благодарим весь коллектив нашего центра «Отпрыск».

Наша вечная любовь и бесконечная благодарность Джону Ромео и Питеру Дженни, потому что без вашей безусловной любви и бесконечной поддержки эта книга не вышла бы в свет.

Наша наполненная гордостью любовь и наша благодарность Джонатану, Шэрон, Полу и Элисон – за ваше не по годам мудрое понимание потребности в этой книге и вашу любовь к нам настолько сильную, чтобы ненадолго отпускать нас для работы над ней.

Наша любовь и сердечная благодарность Пегги О'Мара Мак-Махон, Нэнси Вайнер Коэн и Питеру Джэнни – за вашу веру в нас и в «Прервавшиеся начинания» и вашу готовность удостоить эти страницы своими словами.

А также наша глубочайшая признательность всем мужчинам и женщинам, поделившимся с нами своими рассказами о прервавшихся начинаниях. Наш почет всем вам.

*Всем семьям, связанным друг с другом
любовью в жизни и смерти,
и особенно нашим дорогим*

*Джонатану Панцутосу
Питеру Дженни*

*Джону Ромео
Шэрон, Полу и Элисон Ромео*

Ваша любовь была даром всей моей жизни.

Предисловие

Читая эту книгу, вы можете почувствовать себе неловко. Если вы сами испытали в какой-либо форме связанную с деторождением утрату, вы переживете ее заново или дадите волю чувствам, связанным с ней; если же вы этого не испытали, вы можете почувствовать себя неловко из-за оголенной откровенности страданий других людей. Ваша неловкость скажет вам кое-что о вас самих как о человеке нашей культуры. Мы живем в культуре, отрицающей смерть и отрицающей эмоции. Это отрицание обездвигивает нас в попытке протянуть руку другим, открыто принимая настоящее горе, не важно, насколько неуместным, неприличным или «безумным» это может показаться.

Мы говорим друг другу: «О, на то были причины», или «Могло быть и хуже», или «Все будет хорошо». Такие утверждения закрывают дверь для общения, преуменьшают силу горя и дают посыл, что наши чувства *ненормальны*, их нельзя понять или разделить, и поэтому мы блокируем их и становимся неспособны дать им волю. Должны ли мы чувствовать себя подавленными? Должны ли мы *все еще* горевать по прошествии стольких лет? Книга «Прервавшиеся начинания» возвращает нам наши чувства и дает на них разрешение – на все чувства.

Мы стыдимся и страшимся смерти, потому что она делает

нас беспомощными. Она угрожает нашим духовным устоям и нашей воле к жизни. Мы ничего не можем сделать перед лицом утраты, чтобы заставить это переживание уйти и вернуть нашу жизнь к «нормальному» состоянию. Нас приводит в ужас принятие пугающего осознания, что мы не можем избежать смерти, что завтра она тоже будет здесь. Наше сопротивление заставляет нас отрицать утрату и сильные эмоции, ее сопровождающие. В обществе, которое ценит достижения и негибимое стремление к совершенству, смерть принуждает нас столкнуться с аспектами жизни, находящимися за пределами нашего контроля.

Но когда мы перестаем стыдиться проявлений горя и начинаем говорить смерти «да», принимая наши чувства утраты без оговорок и суждений, мы восстаем из пепла для новой жизни. Конечно, не бывает жизни *без* смерти. Хотя в нашей культуре считается нормальным страшиться смерти и чувствовать ужас, когда эти эмоции затрагивают нас и тех, кого мы любим, принятие всех неудобных чувств, которые вызывает смерть, облегчает трансформацию и воскрешение, являющиеся неотъемлемой частью сути смерти.

Неловкость, которую мы испытываем перед лицом необузданных спровоцированных утратой эмоций, также показывает нам, как мы судим других и сравниваем наши чувства в попытке оценить их. «Ну и что она *так убивается?*» или «То, что с ним случилось, не *так* страшно». Поскольку мы не позволяем себе выразить собственное горе, мы резко

осуждаем за него других.

Что касается этой книги, она заставляет меня соприкоснуться с моими собственными чувствами относительно утраты и смерти. Я заново переживаю свое онемение и неспособность реагировать восьмилетней давности, когда сын моей подруги Стефани умер в возрасте шести недель, и болезненное беспокойство, которое мы пережили не так давно, когда ее третий сын прошел через операцию опухоли мозга. Я заново переживаю рождение своего сына с заячьей губой шесть лет назад. Я заново переживаю трудности его кормления на первых этапах, потерю веса и отлучение от груди, его операции в три месяца и в год и четыре месяца. Я заново переживаю одиннадцать дней дежурства в больнице у моей пятимесячной дочери, когда она заразилась менингитом. Я сравниваю свои страдания со страданиями других. Я веду счет потерянным друзьям, которых забрала смерть, и детям, утрату которых я пережила. Я задумываюсь, страдала ли я достаточно, чтобы горевать, когда читаю о горе этих родителей. И по мере того как я читаю эту книгу, я меняюсь. Потому что слезы, которые приходят во время чтения «Прервавшихся начинаний», утихомиривают мои сравнения и суждения, утихомиривают мои попытки рационализировать и осмысливать, дают волю моим эмоциям. Мне позволено плакать о них и о себе. Мне позволено переживать *свои* чувства и проливать *свои* слезы.

Более того – эта книга возвращает нам чувство надежды.

Она возвращает нам нашу волю к жизни. Поскольку, по мере того как мы даем волю горю и печали, мы принимаем апатию, гнев и суицидальные мысли и плач наших умерших детей, звучащий в ночи. Мы принимаем себя как хороших людей, не потому что мы *избежали* страдания, но потому что мы его *пережили*. Мы можем посмотреть в лицо истинной трансформации смерти – поскольку смерть дает новую жизнь живущим. Когда мертвые оставляют свои жизни позади, они трансформируют через нас чудо каждого нового дня, красоту каждого нового момента, значимость каждой мысли, действия и эмоции.

Когда мы не можем изменить реальность, мы можем лишь измениться сами. «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла». В этом и состоит суть преодоления смерти. Смерть перемещает нас прямо в настоящее. Мы переживаем каждый миг более полно, потому что она становится нашим постоянным спутником.

Пегги О'Мара Мак-Махон
Альбукерке, Нью-Мексико

Сон женщины

Мои сны всегда очень яркие. Например, прошлой ночью мне приснилось, что вместе собрались следующие люди:

– моя подруга со Среднего Запада, которая позвонила мне на прошлой неделе и рассказала, что ее первая беременность только что закончилась выкидышем. «Увы, я потеряла даже не ребенка, – сказала она, – это было... это... “оплодотворенное яйцо”. Заблудший сперматозоид и неполноценная яйцеклетка. Наверное, это и к лучшему»;

– моя сестра (ее мать принимала диэтилstilбестрол во время беременности, и поэтому у сестры теперь целая история трубных беременностей и выкидышей и мертворожденная дочь, родившаяся раньше срока на 28-й неделе);

– Миссис Дж., одна из секретарш в офисе моего мужа, чья семилетняя дочь умерла в 1972 году. Она была ее единственным биологическим ребенком, и у нее с рождения был порок сердца;

– женщина, только что перенесшая третий аборт;

– двоюродная сестра, одна из близняшек которой родилась мертвой. А вторая девочка была «как овощ» и могла существовать лишь в стенах госучреждения. Три года спустя ребенок умер. В то время моя двоюродная сестра забеременела и родила красивую здоровую девочку;

– Мэри Х. (четвертый ребенок которой стал жертвой син-

дрома внезапной детской смерти);

– подруга моей матери, ребенок которой родился в результате назначенного врачом кесарева сечения в 1955 году. Этот доктор неправильно определил ПДР (предполагаемую дату родов), и ребенок умер от гиалиново-мембранной болезни – болезни преждевременно рожденных младенцев. У этой соседки были проблемы по женской части, и, по-видимому, зачать она больше не смогла);

– ее доктор;

– моя мать, чьи сыновья-близнецы – мои братья – умерли через два дня после рождения. «Возможно, у нас не было бы наших красавиц-дочерей», – часто слышали мы. И все же, взрослея, я часто задумывалась, почему мама не может терпеть никакого беспорядка;

– мой отец, плачущий над фильмами, которые *не так уж* печальны;

– подруга, у которой двое детей и перевязаны фаллопиевы трубы;

– женщина из копировального центра (ей около шестидесяти лет, и она, взглянув на статью о выкидышах и младенческой смертности, которую я попросила ее откопировать, посмотрела на меня и сказала: «Моему третьему ребенку исполнилось бы 16 в октябре этого года. Меня положили в “*патологию*”, теперь делают так же?» Конечно, продолжила она, было бы абсурдным теперь, в ее возрасте, растить подростка. Но можно ли ей сделать копию статьи для своей подруги?

«Вот она – она так и не оправилась после смерти ребенка. И я вам скажу, – она доверительно наклонилась ко мне, – ее десятилетка тоже из-за этого страдает»);

– девочка-подросток Кэрол, которая позвонила мне с вопросом, не знаю ли я хорошего дома для ребенка, которого она собиралась родить и отдать на усыновление;

– мать Кэрол;

– ее парень;

– Диана, женщина с курсов подготовки к родам, родившая мальчика со множеством хромосомных аномалий;

– мужчина, выступавший на телевидении и сказавший, что у него четыре дочери и он «не оставит жену в покое», пока она не родит ему сына);

– и его жена;

– все женщины (все 40 000, написавшие мне), у которых было экстренное кесарево сечение или разочаровывающий опыт родов);

– и я с тремя красивыми – нет, прелестными! – детьми и одним выкидышем (между вторым и третьим ребенком). Я помню, как пять лет назад написала в письме одной подруге: «Я часто чувствую, будто чего-то, нет, кого-то не хватает». Интересно, что когда кто-то спрашивает, сколько у меня детей, я хочу выкрикнуть – «четверо!»;

– и Джоанна, у которой «идеальная полная семья: мальчик, девочка, автомобиль-универсал, собака и кошка – не считая мужа!» – но которая *обожала* быть беременной и ску-

чает по этому состоянию.

В моем сне я нашла безопасное и полное любви место, где все эти люди – все, кто когда-либо потерял ребенка на любой стадии беременности, младенца, роды, трубы, матку или мечту о собственном ребенке – собрались бы вместе. Это место, где они отпускают горе, сердечную боль, страдание, печаль или онемение, возникшие или взятые на себя со дня их утраты, которые они носили с собой (поскольку мы знаем в моем сне, что все эти ситуации, запланированные или незапланированные, желанные или нет, представляют собой какую-то форму утраты и что все люди, связанные с этой потерей – включая бабушек и дедушек, братьев и сестер, друзей и персонал больницы, – оплакивают утрату каким-либо образом, признают ли они это и демонстрируют, равнодушны они или нет). В моем сне всем этим людям оказывают помощь в том, чтобы залатать сердце, оживить душу, поднять дух. Им предоставляют возможность дать волю страданию, гневу, боли, замешательству и заменить их достоинством, любовью к себе и самоуважением. Они используют эту возможность, чтобы самоутвердиться и использовать проведенное вместе время на то, чтобы измениться, расти, любить.

Проведя всего несколько часов в этом месте из моего сна, каждый человек уходит с более высокой самооценкой, чувством, что он более цельный, находясь в большем мире с самим собой, чем за последние несколько недель, месяцев или лет со дня утраты.

В процессе написания «Прервавшихся начинаний» мы узнали, что каждый год более одной трети всех женщин, которые зачинают, теряют детей (находят ли они их когда-нибудь, все время спрашиваю я?) вследствие выкидыша, мертворождения младенцев и младенческой смерти. Еще полмиллиона беременностей заканчиваются абортom. Из женщин, выносивших детей до срока, тысячи рожают «неидеальных» детей. Некоторое количество детей отдают на усыновление, одних открыто, других анонимно. Кроме этого, по некоторым оценкам, 25-30 % всех женщин рожают детей посредством кесарева сечения, а многих разделяют с детьми после рождения, даже если роды прошли благополучно и с ребенком все в порядке. Стоит ли удивляться, что мы живем в стране горяющих женщин? А если горюют женщины, можем ли мы ожидать, что их младенцы, их дети – *само общество* – не будут испытывать боли?

В книге «Прервавшиеся начинания» мы находим совершенно новое понимание связанной с деторождением утраты – описание не только эмоциональных признаков и симптомов, но и ее воздействия и влияния – *и даже ее объяснение*. Книга «Прервавшиеся начинания» дает возможность тем, кто пережил утрату (а также тем, кто был рядом, или тем, кого тоже задела утрата), исцелиться. «Прервавшиеся

начинания» помогают нам признать нашу боль как показатель здоровья: здоровое тело готово исцелиться, здоровый ум готов прекратить «загонять в подсознание» эмоциональную боль, здоровый дух готов воспарить. Она с любовью дает горюющим сердцам конкретные, практические идеи, как запустить этот здоровый процесс, а также – как его завершить.

Мое уважение к этому труду и к женщинам, которые его написали, безгранично. Их посвящение себя, их своеобразный и эффективный подход к горю и исцелению, их любовь к женщинам уникальны. Достаточно провести с ними лишь несколько минут, чтобы понять это. Мне выпала честь наблюдать за работой этих прекрасных женщин, учиться у них. Многие жизни обогатились их работой и их любовью, и, в свою очередь, каждая их этих жизней смогла помочь другим.

Книга «Прервавшиеся начинания» дает вам возможность побыть несколько минут с Клаудией и Кэти. Это своеобразный тренинг. Я аплодирую тем, кто решил прочитать ее, потому что сделать это означает открыться собственным утратам. Невозможно закрыть эту книгу, не почувствовав бесконечную благодарность за ее существование, не быть чрезвычайно тронутым ее содержанием, не быть приведенным в благоговение ее силой и правдивостью и не почувствовать приподнятость от ее простоты и эффективности. Невозможно прочесть ее и не почувствовать готовность горевать; быть готовым признать без суждений; простить, не забыв; утвердиться, расти, искать умиротворения, двигаться дальше.

И когда я вижу сотни людей, пишущих Клаудии и Кэти, звонящих им, посещающих их «исцеляющие» тренинги, испытывающих боль, а уходящих в мире, я понимаю, что все это был не сон.

Нэнси Вайнер Козн

Нидхэм, Массачусетс

Вступление

Ведь всегда было так – любовь не знает своей глубины до часа разлуки.

Халиль Джебран

Каждый год в США не выживают более одной трети зачатых детей. Одну из трех зачавших женщин затронет связанная с деторождением утрата. Бесчисленные другие мужчины и женщины горюют над разбитыми мечтами о беременности, рождении ребенка и родительстве.

Каково влияние этих прервавшихся начинаний? Что происходит с родителями, чьи жизни так глубоко затронуты подобной утратой? Что происходит с другими жизнями, затронутыми по принципу домино расходящимися волнами горя? Является ли понимание глубины любви, как метко выразился Джебран, источником успокоения или боли? Могут ли родители, чувствующие муки утраты, когда-нибудь оправиться и достичь исцеления? Будет ли то, как они горюют, влиять на то, насколько качественно и скоро они исцелятся? Можно ли простить непростительное?

Наш личный поиск ответов на эти и другие пронзительные вопросы вылился в написание книги «Прервавшиеся начинания». Большинство трудов на тему горя было написано теми, кого лично затронула утрата и кому требовалось

эмоциональное исцеление. Письменное слово, по-видимому, предлагает способ выражения того, что иначе осталось бы невыраженным. В этом смысле книга «Прервавшиеся начинания» не является исключением.

Эта книга написана еще и для того, чтобы зафиксировать на бумаге эффективную программу исцеления после утраты, связанной с деторождением, которую мы разработали в нашем психологическом центре «Отпрыск» для родителей, ожидающих ребенка. Мы благодарны всем, кто вдохновил это начинание: тысячам тех, кто писал или звонил, моля о помощи – поддержке и исцелении от связанной с беременностью утраты. В письме или звонке каждого содержалась уникальная история, но все они искали физического, эмоционального, психического или духовного руководства в процессе исцеления с такой жадной облегла, которая явилась настоящим вдохновением этой работы.

Мы считаем связанной с деторождением утратой не только выкидыш, мертворождение или смерть младенца (включая синдром внезапной детской смерти), но также и бесплодие, отказ в усыновлении, рождение нездоровых детей и медицинский аборт. Мы включаем сюда и утраты в результате хирургических вмешательств, травмирующие роды и послеродовой период. Хотя последние три категории могут быть сочтены незначительными утратами по сравнению с мучительной ношей первых, *никакая* утрата не должна оставаться без исцеления и никто не должен испытывать непризнанную

боль. Настоящего исцеления нельзя достичь, сравнивая боль одного человека с болью другого, потому что все мы заслуживаем – и отчаянно ищем – разрешения проблемы. Боль горя уже является причиной одиночества. Мы видели слишком много скорбящих родителей, страдающих в одиночку, полагающих, что их утрата находится за пределами понимания и поддержки других. Хотя всякая утрата уникальна, горе каждого человека на самом деле можно понять, если мы отнесемся друг к другу с состраданием и принятием.

Все мы вплетаем нити своего горя в ткань утраты, и из соединения этих нитей получается орнамент. Мы можем попытаться увидеть этот орнамент, увидеть схожесть в горе каждого из нас – оплакиваем ли мы мертворожденного младенца, болезнь ребенка или роды, никак не соответствовавшие нашим мечтам и ожиданиям. Мы можем действовать так, чтобы помочь друг другу, принимать истинные чувства друг друга и горе вне зависимости от событий и обстоятельств. Книга «Прервавшиеся начинания» также является руководством к исцелению *всего существа*: физического, психического, эмоционального и, возможно, наиболее важного – духовного.

Обычно мы уделяем внимание прежде всего физическим потребностям. Физическое тело ослаблено и надорвано стрессом, являющимся неотъемлемой частью связанной с деторождением утраты. Таким образом, тело требует непосредственной заботы – ответственного подхода к питанию,

физической поддержки. Без этой поддержки психологические муки и эмоциональный сердечный надрыв часто без необходимости затягиваются, потому что физическое существо слишком слабо и истощено. Более того, вероятность будущей потери беременности *возрастает*, когда организм, находящийся под воздействием физического стресса, снова пытается поддержать еще одну зарождающуюся жизнь. Тогда для многих родителей утрата следует за утратой. Отвечать на физические потребности абсолютно необходимо.

После того как восстановлено физическое тело, становится возможным разрешение эмоциональных и психических проблем. В этих фазах исцеления нет коротких путей или способов починить что-то на скорую руку, поскольку горе безжалостно и нельзя не воздать ему сполна. Мы не можем полностью избежать его присутствия в нашей жизни, не важно, как отчаянно мы пытаемся это сделать. Однако умиротворение сердца и разума *возможно*, когда горе и боль принимают, изливают и открыто выражают. Переживать в полной мере боль, сомнения, минуты отчаяния – совсем непростая задача. Но противоположностью такого искреннего мужества являются непомерные эмоциональные страдания, продолжительные психологические муки и, вероятно, физическая болезнь. Мы верим, что решение эмоциональных и психологических проблем возможно.

Не надо пытаться добиться возвращения к нормальному состоянию, поскольку такого возвращения не достичь. Ни-

кто из переживших утрату никогда не будет прежним; мы либо учимся жить дальше и делаем это в гармонии с нашими духовными убеждениями, либо попадаем в плен темноты нашей собственной горечи, сожаления и жалости к самим себе. Таким образом, разрешение от утраты на духовном уровне является заключительным шагом исцеления.

Книга «Прервавшиеся начинания» предназначена для желающих максимально посвятить себя своему личному исцелению. Мы, в особенности женщины, слишком долго искали помощи в наших жизненных конфликтах вовне – в таблетках, «спасителях» и других неэффективных решениях, вместо того чтобы обратиться к нашим внутренним глубинным ресурсам и силам. Поступая таким образом, мы ослабили себя, страдали без необходимости и часто заблуждались.

Мы верим, что мы, переживающие утрату, *можем* найти выход. Мы верим, что родители в горе могут жить, не причиняя страданий самим себе. Связанные с деторождением утраты несут достаточно несчастья и без дополнительного физического урона от истощения или болезни, эмоциональной боли заблокированных чувств, психологических мук из-за отринутых мыслей и горечи духовного плена.

Итак, тысячам родителей, пережившим связанную с деторождением утрату, мы предлагаем книгу «Прервавшиеся начинания». Мы благодарны вам за то, что вы вдохновили нас представить труд, посвященный полному исцелению – тела, ума, сердца и души. Мы надеемся, что он может провести

вас сквозь туман горя и подвести к всепоглощающему миру с собой и успокаивающему принятию. В самой сердцевине этого мира с собой будет жить наша бесконечная любовь к нашим детям, которые вошли в нашу жизнь. Даже если время, которое они провели с нами, было кратким, их влияние на нас было бесконечным, они дали нам возможности для нашего собственного духовного роста, которые нельзя отрицать. Они являются наивысшим вдохновением.

Клаудиа Панутос и Кэтрин Ромео

Глава 1

Вдохновение личным примером *Преодоление утраты*

Наше личное преодоление связанных с деторождением утрат привело нас к написанию этой книги. По мере того как мы прорабатывали свое горе и пробивались к исцелению, мы чувствовали глубокое родство – то, что одна из наших бабушек назвала ощущением «родственной души», – с другими перенесшими утрату родителями. Без нашего личного опыта утраты и без чувства единения с теми, кто находится в трауре, книга «Прервавшиеся начинания» никогда не была бы написана, а наш центр психологической помощи «Отпрыск» никогда бы не родился. Прежде чем мы поделимся с вами нашими знаниями и мыслями об исцелении связанной с деторождением утраты, мы хотели бы поделиться своими личными историями. Хотя их окончания, конечно, были болезненными, они всегда открывали новые двери на постоянно разворачивающейся дороге жизни. Мы чувствуем искренность скорбящего родителя в словах Полы Дарси в ее «Песне для Сары» (D'Arcy, 1979): «Если что-то закончилось, ты не жалеешь, не грусти. Знай: ты в начале другого большого пути». Так вот, окончания историй, изменивших нашу жизнь.

История Клаудии

В начале августа 1972 года я ехала из университетского медпункта немного шокированной, но больше все-таки взволнованной новостью о том, что я беременна. И я, и мой партнер оба были аспирантами программы по социальной работе. Мы не планировали эту беременность, по крайней мере сознательно. Но было ясно, что никто из нас не сопротивлялся мысли о том, что наш ребенок родится будущей весной, будем надеяться, после выпуска.

Хотя мы оба считали себя мудрыми в практическом отношении – Ли было 26, а мне 23, – мы были болезненно наивными относительно полной ответственности и даже бремени родительства. Мы были не так давно влюблены, и жизнь была полна новых начинаний – романтических, находивших отражение в свежесрезанных цветах, только что выпавшем снеге или расцвете дня. Наша беременность справедливо казалась частью этих начинаний – отражением юной любви, выраженным в мечте детства о том, чтобы стать родителем.

Ли, даже в те первые недели, трогал мой живот, разговаривая с нашим ребенком. Он просил его расти и быть здоровым, а также рассказывал вслух о своих мечтах стать отцом. Это был второй ребенок Ли, его дочь Джоди жила в штате Джорджия в нескольких сотнях километров от нашего дома в Коннектикуте. Он видел ее несколько раз в год, но горевал

о ее отъезде, когда она переехала на юг вместе со своей матерью несколько лет назад.

В некотором смысле Ли стремился к Джоди и к единению с «отцом» внутри себя, поэтому его легко захватила мечта о новом ребенке. Мы оба были так взволнованы, что пренебрегли традицией подождать окончания первого триместра, прежде чем объявлять о беременности, и мы открыто делились нашей новостью. Никто из нас не мог предположить, что эта беременность не окончится живым, здоровым ребенком, который останется с нами навсегда.

В середине сентября я отправилась в медпункт на ежемесячный осмотр. Медсестра сказала, что со мной все в порядке. Она велела мне следить за прибавкой веса, хотя я совсем не набрала. Это предупреждение показалось дежурным советом, доброжелательным, но не совсем уместным.

Терапевта же беспокоило, что я буду беременна на втором курсе аспирантуры. Отеческим голосом он спросил, рассматривала ли я возможность аборта. Его слова пронзили меня насквозь – не потому, что я считала аборт чем-то неправильным, но потому что я в первый раз вспомнила, что не все беременности оканчиваются ребенком.

Я почувствовала ужас, но спокойно ответила, что мы с Ли уверены, что поступаем правильно. Тогда он продолжил и рассказал, что у меня может случиться выкидыш и что, если он случится, я буду не одинока, потому что у многих женщин «не получается» в первый раз. Тогда я была не слыш-

ком сознательной для того, чтобы понять, когда меня и моих сестер-женщин оскорбляют, поэтому поблагодарила его и отправилась домой.

На следующий день занятия возобновились. Было здорово увидеть всех наших старых друзей и поделиться рассказами о каникулах, а также новостью о нашей беременности. В конце недели друзья повели нас в местный паб, чтобы отпраздновать, что для меня значило выпить стакан апельсинового сока. Этот сок был лучше всякого шампанского, потому что он символизировал ту «особость», которую придает каждой женщине беременность.

Ли сиял от гордости. Я видела в его лице мужественное сознание силы, оттого что он смог сотворить ребенка. Хотя мне и не нравился подразумеваемый под этим «мачизм», должна признать, я наслаждалась вниманием в его новообретенной роли будущего отца-защитника. Мы и не знали, что это будет единственное наше торжество.

В субботу утром я проснулась рано, чтобы начать обычные для выходных домашние дела. Мы жили в загородном доме с дровяной печью, обеспечивающей нам единственный источник тепла. Мы с Ли согласились сделать ремонт в счет платы за жилье. Поскольку нам обоим нравился физический труд и мы были ограничены в финансах, этот дом выглядел как мечта студента.

Сразу после обеда я почувствовала небольшие спазмы внизу живота. Я перестала таскать дрова в сарай и вошла в

дом, чтобы присесть, подумав, что я, должно быть, перенапряглась. Я проспала несколько часов и проснулась, чтобы отправиться на ужин, о котором мы с Ли договорились с друзьями. Впоследствии, оглядываясь назад, мы осознали, что не обсуждали за ужином нашу беременность, будто уже знали, что что-то не так.

Мы с Ли ехали домой в необычном молчании. Я очень устала и хотела спать. Мы повернули к себе во двор, и Бернард, наш сенбернар, подбежал, чтобы поприветствовать Ли. Я открыла дверь машины и упала на землю. Боль в животе была резкой. Ли внес меня в дом. Мы все еще хватались за идею, что я слишком перетрудилась, но решили на всякий случай поехать в больницу.

К этому времени схватки усилились. Дежурный терапевт, молодой врач, обнаружил вагинальное кровотечение, о котором я не подозревала, и сказал, что у нас выкидыш. Он дал мне дозу демерола и отправил домой, сказав Ли, что больница не предоставляет акушерских услуг, поэтому нам надо поехать в другое место, если мне нужна медицинская помощь.

Мы молча плакали поодиночке до тех пор, пока не началось действие демерола и я не обмякла на сиденье автомобиля. Я проснулась в нашей комнате, меня бесконтрольно рвало, и я не могла пошевелиться. Ли помыл пол и меня и устроился рядом с ведром в руке. Для меня ночь текла без понятия о времени, я была в ступоре под действием демерола. Для Ли она была длинным одиночным кошмаром, кото-

рый он переживал в страхе.

На рассвете состояние опьянения от лекарства закончилось. Ли спал сидя. Я попыталась встать, но потеряла сознание от боли. Теперь мы знали, что это было больше, чем просто выкидыш, и эмоциональная энергия оплакивания нашего потерянного ребенка была перенаправлена в другое русло. Нашей новой целью было физическое выживание, потому что боль усиливалась и я начала задыхаться.

Следующим звуком, который я услышала, был вой сирены «скорой помощи», которую вызвал Ли. Ли кричал, чтобы они пошевеливались и не дали мне умереть. Я снова потеряла сознание. Каждый ухаб на дороге отдавался у меня в области таза.

Врачи бегом занесли меня в отделение экстренной помощи. Послышались голоса: «У нее шок!» А затем наступила темнота. У меня пред глазами, окутанные белой клубящейся дымкой, стояли мои двоюродные бабушки Молли и Нэл, обе умершие, когда я еще училась в старших классах школы. Они улыбались. Меня это не пугало. Я думала, что они протянут мне руки, но вместо этого они лишь посмотрели на меня и ушли. Я проснулась в послеоперационной палате, а Ли шептал мне на ухо: «Не умирай, Дуби (прозвище, которое он мне дал), не надо, Дуби».

Когда я наконец пришла в сознание, мы оба испытали такое облегчение, оттого что я выжила, что мы были за несколько световых лет от того, чтобы оплакивать потерянного

ную беременность. Вскоре мы узнали, что у нас была внематочная беременность – состояние, при котором оплодотворенная яйцеклетка прикрепляется вне матки. В моем случае это состояние не было своевременно диагностировано, результатом чего стал разрыв маточной трубы.

Мысль о том, что я могла умереть, повергла Ли в ужас. Он рассказал, что терапевт предупредил его перед моей операцией, что я нахожусь в тяжелом состоянии и могу погибнуть. После этого происшествия еще несколько месяцев у него был застывший взгляд. Я была благодарна, что осталась жива, и испытывала новое глубокое ощущение смысла жизни. И хотя я по-настоящему переживала это чувство духовного роста, я похоронила свое горе на несколько месяцев – здоровое состояние, учитывая, что должно было наступить хотя бы физическое выздоровление.

Пребывание в больнице было кошмаром. Никто не говорил со мной о том, что случилось. Сотрудники больницы старались не заходить в мою палату, если только мне не требовалась физическая помощь. Я знала, что само мое присутствие затрагивало неразрешенные эмоции, особенно среди сестер. Дважды, когда я звонила, чтобы мне ночью принесли одеяло, мне говорили, чтобы я перестала беспокоить их с этими одеялами, потому что их нет. Во второй раз, когда я спросила, не может ли кто-то сходить на другой этаж в поисках лишнего одеяла, мне предложили встать и одеться, раз уж мне так холодно. Я так и сделала, и на следующее утро

сестра накричала на меня за то, что я лежу в постели в одежде.

После этого я поняла, что лучше будет лежать дома, поэтому я выписалась из больницы и отправилась домой с Ли, который уложил меня у печки, завернув в спальные мешки. Единственное возражение против моей выписки из больницы исходило от моего терапевта, который был обеспокоен, что у меня до сих пор не было стула. Я уверила его, что, если у меня случится запор, он узнает об этом первым.

Теперь мне ясно, что и Ли, и я были в состоянии глубокого шока. В попытке успокоить свои эмоции на следующей неделе мы вернулись к обычному расписанию занятий. Никто из нас не мог нормально оценить мое физическое состояние, поэтому мы, можно сказать, его игнорировали. Однако у горющего тела есть безжалостный способ сделать так, чтобы его слышали. Хотя я каким-то образом умудрялась функционировать в течение трех месяцев после операции, у меня развилась страшная анемия вкупе с мононуклеозом. Проблемы с кровью вынудили меня пропустить шесть недель занятий. К счастью, преподаватели разрешали мне выполнить необходимые для выпуска задания дома.

Мы с Ли по сути закрылись от любых обсуждений наших чувств относительно беременности. Когда я приближалась к этой теме, его глаза расширялись от страха и он весь сжимался. Эти сигналы были для меня достаточным поводом, чтобы пойти на попятный, поскольку для меня по большей

части касаться этой темы было слишком болезненно. Кажется, что нам обоим нужно время.

Тем не менее отношения между мной и Ли никогда больше не были прежними. Наши мечты о семье, будущем, родительстве в буквальном смысле лопнули. У нас не будет ребенка этой весной, а в настоящем мы не способны выразить свою боль.

Не уверена, позволил ли себе Ли когда-нибудь по-настоящему почувствовать разочарование или признать внутреннюю рану. Мое состояние дошло до критической точки как-то в обед четверга в центре Хартворда.

Я вернулась на практику в одной из альтернативных школ. Мой куратор обходился со мной по-доброму и позволил отработать пропущенные дни. Школа располагалась в здании старого вокзала через дорогу от муниципальной парковки.

В этот самый четверг я не ждала никаких необычных происшествий. Я подъехала, как я считала, к парковке. Я была через дорогу и чуть в стороне от школы. Однако я куда-то не туда свернула и потеряла дорогу. Я повернула обратно и снова устремилась в направлении парковки.

На этом этапе я была расстроена и немного встревожена. Я помню, как предостерегла себя не спрашивать у проходящего полицейского, где находится парковка. Я чувствовала себя немного сумасшедшей и боялась, что он это заметит.

Затем я начала плакать. Я рыдала и рыдала больше полутора часов. Я потеряла намного больше, чем парковку, я по-

теряла ребенка и частично мужа и тысячи нежных моментов семейной жизни.

Образы трехлетней девочки, одетой в розовое клетчатое платье, шестилетней, впервые идущей в школу, двенадцатилетней, у которой впервые началась менструация, и восемнадцатилетней, готовой к выпускному балу в школе, прошли перед моими глазами. Я чувствовала, что мне нужно поговорить с ней и что ей нужно имя. Я назвала свою дочь Элизабет. Я рассказала ей, как я расстроена – как зла, что она ушла от нас с Ли.

Я рассказала ей, как сильно я ее любила и что я практически жила с ней и со своими потерянными мечтами о материнстве.

Для меня не имело значения, была ли Элизабет девочкой на самом деле. Мое сердце подсказало мне, что это так. Значение имело то, что я нашла способ обратиться к частичке меня, которую я также потеряла.

Слезы отступили, а проехавшая мимо пожарная машина резко вернула меня к реальности дорожного движения в центре Хартфорда. Парковка находилась справа от меня – непреклонная реальность и напоминание о настоящем. Я завела машину и остановилась еще на мгновение, чтобы оплатить Элизабет.

Мы с Ли так и не смогли оправиться ни от наших чрезвычайно идеализированных мечтаний, ни от истинной реальности нашей утраты. Наши жизни продолжались, но были

навсегда разделены невысказанными словами и невыраженным отчаянием. Казалось бы, двое клинических социальных работников, которые должны быть обучены общению и выражению эмоций, могли бы исцелиться в более полной степени. Мы не смогли.

Через год мы снова забеременели. Я в то время была клиническим социальным работником в центре психического здоровья. Я не позволяла себе радоваться, потому что знала обратную сторону этого восторга слишком хорошо.

Это не имело значения – когда у меня случился выкидыш, мое сердце все еще было разбито, потому что я снова не стала матерью ребенка, личико которого я могла бы увидеть и к ручке которого я могла бы прикоснуться.

Чуть менее года спустя мы забеременели опять. И снова выкидыш. На этот раз утрата была слишком тяжела, чтобы ее вынести. Больше никаких детей, подумали мы. Больше никаких беременностей, мечтаний, надежд, которые останутся несбывшимися. Никакого больше физического ущерба, стресса, кровотечения.

Наше горе было молчаливым, а наш плач в то время был заглушен нашим собственным недопониманием и неспособностью нашей культуры оказаться перед лицом такой утраты. Потребовалось почти семь лет, чтобы я открыла глаза и чувства ко внешнему отрицанию нашей культурой горя и внутренней непроходящей боли от потери беременности.

История Кэти

Вскоре после нашей свадьбы в 1968 году мы с Джоном начали надеяться на рождение ребенка. Но эти надежды все не сбывались. Мы на ощупь пробирались через три года бесплодия, каждый месяц молясь, чтобы у меня не начались месячные и теряя частицу веры и доверия к своим телам каждый раз, когда они начинались. Наша юношеская уверенность и жизнерадостные ожидания утекали с каждой менструацией, означавшей, что беременность не наступила.

После года неудачных попыток зачать мы обратились за консультацией к гинекологу. Он подтвердил наши подозрения, что что-то не так, сказав, что, если пара не может зачать в течение года, она предположительно бесплодна, пока не будет доказано обратное. Он предложил начать обследоваться и попытаться выяснить, в чем заключается проблема. Я ушла из кабинета в тот день, чувствуя, будто меня заклеямили; никакое клеймо не могло бы сделать меня более заметной, чем я себя чувствовала. Я была уверена, что люди всё знали и моя неспособность зачать – сделать то, что ожидается от женщин, – была написана у меня на лбу. Джон позже признался мне в тех же чувствах – ощущении несоответствия, утраченной мужественности, унижения. Интересно то, что каждый из нас винил себя. Мне хотелось забиться в нору и спрятаться от мира.

Мир не позволил мне этого сделать. Наши близкие родственники были деликатны к нашим чувствам, но эти чувства тогда считались исключительно личными; нам нелегко было ими делиться, потому что каким-то образом мы запутались в паутине, помеченной ярлыком «провал», и слишком сильно чувствовали себя загнанными в ловушку, чтобы делиться своими переживаниями. Однако дальние родственники не позволяли нам уединиться. «Ну, – подгоняла нас тетя, – не пора ли вам завести ребенка? Ваши родители моложе не становятся, знаете ли, и они хотят повозиться с внуками, пока живы». «Чего вы хотите добиться? – спросила другая. – Заработать состояние, прежде чем заведете детей? Вы что, не знаете, что детям нужны *молодые* родители?!» Некоторые также отпускали комментарии у нас за спиной так, чтобы мы слышали, что мы «наверное, слишком эгоистичны, слишком заиклены на самих себе», чтобы заводить детей. Если поблизости была беременная, кто-нибудь мог отпустить замечание, что нам стоит спросить ее, как это делается.

Интересно, что чаще критике и осуждению подвергалась я, потому что, предположительно, я как женщина контролировала ситуацию. Люди ждали, пока я останусь одна, а затем выдавали свои мнения. Я всегда чувствовала себя раздавленной лавиной их неделикатности. Комментарии, которые мы выслушивали, в любых других обстоятельствах могли бы быть сочтены признаком невоспитанности собеседника, но при нашем глубинном желании зачать они были нестерпи-

мы. Джон взял привычку стоять рядом на любых общественных сборищах и отвечать на вопросы о беременности шутками вроде: «Слушайте, наверное, я стреляю холостыми». Возможно, дело было во мне. Мы просто не знали. Обследования, которые мы проходили, вначале были неопределенными. Кроме того, они были оскорбительными, унижительными и лишены уважения и почтительности к жизни. Воспоминания переполняют мое сознание: собрать сперму в специальный пакет, не дать ей остыть и скорее довести ее до лаборатории; заниматься сексом в определенное время, а затем быстро довести меня до клиники репродуктивного здоровья, чтобы мое тело было обследовано при ярких огнях прямо после полового акта; болезненный сбор образцов выстилающего слоя матки вручную, чтобы изучить его под микроскопом; заполнение моей матки и фаллопиевых труб рентгеноконтрастным веществом, чтобы группа докторов смогла определить проходимость моих половых путей для зачатия.

Занятия любовью – самая личная и глубоко интимная связь между мной и Джоном – стали медицинской процедурой, оголенной перед толпой докторов в белых халатах и лаборантов, собирающих образцы. Неудивительно, что мы защищали те крохи личного, что нам остались; неудивительно, что мы съеживались от обсуждений причин нашего небеременного состояния остальным миром. Я ищу в памяти хоть какое-нибудь воспоминание человеческого понимания от наших врачей. Но таких воспоминаний просто нет – его

тогда не было. Доктора либо многословно советовали нам не беспокоиться – «это произойдет»; либо холодно и безлично сообщали нам результаты анализов, на которые накладывались невозмутимые медицинские точки зрения.

Мы чувствовали себя сломавшимися машинами; с нами так и обращались. Никто из них, ни один, не взял меня за руку, не посмотрел мне в глаза и не сказал: «Это очень тяжело. Должно быть, ужасно это переносить. Я буду работать с вами, пока мы не исчерпаем все возможности». Выносить черствость окружающего мира было болезненно тяжело. Моя вера в свое тело и вера Джона в его, наши представления о собственном здоровье и благополучии, наши ожидания от самих себя и нашего брака утекали от нас каждой менструацией, которую я отмечала в календаре.

Это было очень грустное и болезненное время, мы находились в тупике. Мы жили от месяца к месяцу, ища признаки беременности. Нам говорили, что беременность кажется вероятной; нас обоих признали несколько менее способными к зачатию относительно нормы, но, по-видимому, мы были способны к зачатию. Наконец пути тревоги пали, когда была зачата Шэрон. Услышать, что мы на самом деле беременны, было одним из наиболее радостных, захватывающих, облегчающих моментов в нашей жизни, которые затмило только рождение Шэрон. Мое желание способствовать исцелению других родилось раньше, чем Шэрон. Я подумала обо всех женщинах, чье ожидание ребенка затягивалось и затягива-

лось.

Через год после рождения Шэрон у меня, по всей видимости, случился выкидыш на четвертой неделе беременности. Мне казалось, что я беременна, но беременность не была подтверждена анализом крови, и вдруг у меня началось кровотечение. Осмотр показал, что, возможно, я была беременна. Этот опыт потряс меня и воскресил все мои страхи. Наверное, у меня внутри что-то на самом деле было не совсем так, не соответствовало норме или было неполноценным. Была ли я на самом деле женщиной, удачно родившей ребенка? Я больше не чувствовала ни *безопасности*, ни надежности, ни уверенности. Что случилось с ребенком, которого я потеряла? Подвело ли его мое тело? Что случилось? Где мой ребенок? Был ли он где-то в целости вне моего тела? Несколько недель я чувствовала себя укутанной густым туманом, и продвигаться сквозь этот туман было очень трудно. Ничего было непонятно; доктора даже не могли подтвердить, была ли я беременна. Но я знала, что была беременна, и я чувствовала, что ребенок, которого я потеряла, заслуживает по крайней мере признания его существования (я даже чувствовала, что потеряла мальчика). Очевидно, никто не понимал меня. Через несколько дней все уже забыли, что у меня случился выкидыш.

Наконец я просто отринула туман и похоронила мое инстинктивное чувство утраты внутри. Я не знала, что эту похороненную печаль можно снова вытянуть на поверхность

более поздней утратой, усилив горе и боль.

Прошло два года, прежде чем наши попытки зачать снова увенчались успехом. Беременность была тяжелой. Над днями, которые в другом случае были бы наполнены радостью и ожиданием, нависал призрак выкидыша. Мой организм подавал сигналы стресса, некоторые сигналы того, что я могу родить преждевременно, однако я доносила до срока. Пол успешно родился, и мы были полны радости.

Три года спустя мы зачали вторую дочь, и именно рождение Элисон определило мое участие в написании этой книги. Странно, подумают некоторые. Здоровый третий ребенок. Прелестная семья. Однако рождение Элисон погрузило нас в пучину утраты – настоящей, горькой, честной перед Богом, в гневе на Бога. И эта утрата вызвала на поверхность другие неизлеченные утраты, которые я пережила в прошлом, и переполнила меня грустью.

Моя беременность Элисон была наиболее позитивной, комфортной беременностью из всех. Призраки неудачи и утраты растаяли на заднем плане, и мы начали ожидать рождения нашего ребенка. Первые наши дети родились в крупном роддоме Бостона. При каждом рождении мы чувствовали себя очень уязвимыми; некоторые аспекты больничного ухода пугали или злили нас. Мы чувствовали тревогу за наших детей и не были уверены, что медицинская помощь, которую мы получали, обеспечит им безопасность. Поэтому во время третьей беременности в нас начал расти страх воз-

вращения в тот же роддом. Наши годы бесплодия оставили нам мало уверенности в себе и доверия к медицинским работникам. Мы не испытывали почтения и уважения к большинству связанных с беременностью медицинских мероприятий, и мы не чувствовали, что сама больничная атмосфера была наполнена глубоким уважением к жизни.

Мы присутствовали при домашнем рождении дочери наших близких друзей – Андре. При ее рождении мы чувствовали благоговение. У нас даже было глубокое духовное ощущение, что, возможно, Бог ведет и нас к таким родам, чтобы обеспечить безопасность ребенка. Чтобы получить больше ответов, мы посетили на выходных духовный семинар для пар и почувствовали еще большую уверенность, что Бог подвел нас к тому, чтобы положиться на по-настоящему естественные роды.

Поэтому после нескольких месяцев изучения фактов и поисков в своей душе мы решили рожать дома. Это было глубоко духовное, вымоленное решение. Мы чувствовали себя в безопасности; мы нашли прекрасных опытных акушерок и превосходную врачебную поддержку, и мы были уверены, что делаем разумный безопасный выбор для рождения нашего ребенка; мы представляли себе совместное рождение, с двумя возбужденными старшими детьми и несколькими любимыми людьми, приветствующими нашего новорожденного, но больше всего мы мечтали об умиротворенных, безопасных родах, глядя на которые, Бог улыбается, а всех нас

окружают ангелы-хранители.

Реальность была далека от умиротворенности и божественности. Активная фаза родов длилась всего четыре минуты, очень интенсивно и стремительно. Элисон почти родилась, когда ее пульс начал падать и внезапно исчез. Акушерка, слушающая сердцебиение, покачала головой – пульса не было! Я должна была *немедленно* вытужить дочь, чтобы спасти ее. Я приложила все свои силы на то, чтобы ее родить. Она выскользнула из моего тела, и на несколько секунд я потеряла сознание, изнуренная и травмированная такими стремительными родами. Они были захватывающими, переполняющими и пугающими.

И вот она лежала, моя дочь – бездыханная, бело-голубая, без сердцебиения. Несмотря на все планы и молитвы, Элисон не удалось уберечь. Мысль о том, что она может умереть, поразила меня. Я беспомощно смотрела, как наши искусные акушерки трудились над ее крошечным тельцем, делая ей искусственное дыхание. Это было наиболее мучительным моментом в моей жизни – видеть своего ребенка таким нуждающимся, в смертельной опасности, и просто смотреть. Я помню, что я молилась вслух и слышала, как Джон тоже молится, обнимая меня. Мы просили Бога не дать нашей дочери умереть. Где *был* Бог? Где была наша духовная гарантия безопасного рождения? Мы также разговаривали с Элисон, умоляя ее дышать. Ее сердце начало биться снова, она сделала неровный вдох – и остановилась. Прошло четыре

бесконечных минуты, пока наши акушерки делали ей искусственное дыхание, и она начала дышать. Сперва с перерывами, а затем более уверенно. Казалось, что она выбирается, но мы вызвали «скорую», чтобы немедленно отвезти нас в ближайшую больницу.

А затем наши мечты о рождении разбились на еще более мелкие осколки. Наш вызов всего лишь «скорой помощи» привел к нам целую команду спасения. Нашу тихую улочку наводнили пожарная машина, машина полиции, «скорой» и по крайней мере сотня человек. Мы перестали слышать наш нежный хор ангелов за воем сирен. Однако дела Элисон шли все лучше даже в течение нашей поездки на «скорой» в больницу. Первый доктор, который нас осмотрел, объявил, что с ней все в порядке, и я сама начала дышать ровнее. В тот же момент я начала отрицать свое горе. И вину – неужели я сама поставила своего ребенка под угрозу? Почему мое тело в этот раз не сработало «как надо»? Неужели это моя вина, я что-то сделала не так или чего-то не сделала? От моей приклеенной улыбки у меня болели челюсти. Плечи и шея ныли от усилия держать голову прямо. Я чувствовала себя вымотанной, более вымотанной, чем когда-либо в жизни, хотя моя новорожденная дочь спала больше, чем ее брат или сестра. Почему я так уставала? Я совсем не понимала. Как и не понимала, почему матка продолжает и продолжает кровоточить, намного дольше обычного периода послеродовых лохий. Теперь я знаю, что усилия на подавление мо-

его естественного горя – горя об утраченных представлениях, ожиданиях и мечтах о рождении Элисон и моей более не непогрешимой духовной вере – требовали довольно большой платы и много энергии. Я думаю, что моя матка «оплакивала» представления о родах, которых у нас, меня и моего тела, больше не будет. Я оплакивала «безопасность», которую я так старалась гарантировать, а затем не смогла найти при рождении Элисон. Она оплакивала годы беспомощной бесплодности, мой оставшийся без уважения выкидыш, всю ту утрату и боль, которую я пыталась спрятать – так и не излеченную. И ужас при виде одного из моих детей, лежавшего так неподвижно, без дыхания и жизни, все еще подавлял меня. Мы тревожно наблюдали за ней в поисках признаков того, что с ней действительно все в порядке и что ей не был нанесен вред при рождении. Я чувствовала, что балансирую на грани контроля, пытаюсь утихомирить сотрясавший меня ужас, охватывавший меня по мере того, как я бесконечно проигрывала в уме сцену рождения Элисон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.